

Вадим Дамье • Дмитрий Рублев

ПЕТР КРОПОТКИН

ЖИЗНЬ анархиста

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2022

УДК 94(470)"1842/1921"
ББК 63.3(2)52-8Кропоткин П.А.
Д16

Редактор Павел Руднев

Дамье В.

Д16 Петр Кропоткин: Жизнь анархиста / Вадим Дамье, Дмитрий Рублев. — М. : Альпина нон-фикшн, 2022. — 664 с.

ISBN 978-5-00139-566-9

Князь Петр Алексеевич Кропоткин в полной мере владел искусством оставаться собой, жить по собственным убеждениям и, если надо, плыть против течения. При всей целостности его натуры в личности Кропоткина совмещалось все самое несовместимое. Чиновник особых поручений, подающий надежды администратор, талантливый военный разведчик, он отказался от государственной карьеры, первоначально — ради науки. Философ, писатель-мемуарист и журналист, географ, геолог, биолог-естествоиспытатель, экономист, этнограф, социолог, историк, литературовед — это все он, Кропоткин, почти что второй Ломоносов. Однако подлинной его судьбой стали революционная агитация, аресты и тюрьмы, знаменитый побег и десятилетия жизни в эмиграции. Он стал врагом не только русского самодержавия, но и «демократических» правителей Европы, одним из подлинных лидеров мирового анархизма и ведущим теоретиком анархистского коммунизма, мыслителем, которого можно считать предтечей теории постиндустриального общества... О человеке, который в конце XIX — начале XX века был моральным авторитетом не только для многих россиян, но и для людей со всех континентов земного шара, рассказывает книга современных отечественных историков Дмитрия Рублева и Вадима Дамье.

УДК 94(470)"1842/1921"

ББК 63.3(2)52-8Кропоткин П.А.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-566-9

© Вадим Дамье, Дмитрий Рублев, 2022
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Оглавление

Последнее искушение анархиста.....	5
глава первая	
«Воспоминания о детстве, или Скрытая жизнь».....	16
глава вторая	
Утешение географией.....	65
глава третья	
«Что мы можем сделать в России?».....	142
глава четвертая	
Вождь анархистов.....	225
глава пятая	
Беженец на берегах Альбиона.....	326
глава шестая	
Научный анархизм и коммунистический индивидуализм.....	371
глава седьмая	
«Революционным путем, а не путем законодательных полумер».....	429
глава восьмая	
Между двумя революциями.....	522
глава девятая	
«Революция — такая сила, что ее хода не изменишь».....	587
Эпилог.....	656

Последнее искушение анархиста

Июль 1917-го. Уже третий год весь мир охвачен войной, в которую втянуто большинство стран Европы. России победы и поражения тех лет уже стоили более семисот тысяч солдатских жизней, не считая более трех миллионов раненых и четырех миллионов пленных. На фронте только что завершилось последнее крупное наступление русской армии. Оно оказалось крайне неудачным. Общие потери составили около шестидесяти тысяч человек. Солдаты совершенно не желали воевать, они требовали возвращения домой, к своим семьям. На улицах столицы России, Петрограда, тоже гремели выстрелы. Сотни тысяч людей вышли на улицы. Над толпами развевались черные флаги анархистов и красные знамена самых радикальных социалистических партий. Демонстранты требовали завершить войну, отказаться от завоевательной политики, вернуть с фронта солдат. Наконец требовали они и отставки утратившего поддержку Временного правительства и передачи власти в руки Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов. Именно они, представители, избранные коллективами на заводах и фабриках, в воинских частях, на военных кораблях, пользовались доверием народа. На этих людей возлагали надежды восставшие, занявшие вокзалы, Петропавловскую крепость, редакции крупных газет. Из Кронштадта в Петроград прибыли несколько тысяч вооруженных матросов, готовых вступить в бой с правительственными войсками. Вскоре восстание было подавлено. Большинство в Советах оказалось

слишком умеренным и не готовым к взятию власти в свои руки. Кроме того, в Петроград прибыли войска с фронта. Но власть зашаталась. 7 июля 1917 года премьер-министр князь Георгий Евгеньевич Львов уходит в отставку.

Герой нашей книги лично наблюдал за событиями в бурлящем революционном Петрограде. Как вспоминала его племянница Екатерина Половцова, он был молчалив и сдержан¹, не спешил с оценками и внимательно выслушивал всех, кто рассказывал о происходящем. «Петр Алексеевич еще только разбирался, осматривался и больше расспрашивал, чем говорил. <...> Было очевидно, что он еще не пришел к определенным выводам, сам еще присматривался к событиям и не мог не заметить необычайной сложности момента»², — вспоминала о своих встречах со давним другом Петром старая революционерка Екатерина Брешко-Брешковская, прошедшая тюрьмы, каторгу и ссылки, а теперь ставшая одним из лидеров партии эсеров. «Ну что, как? Все партийные трения — это чистое несчастье. Ты ездила недавно... Расскажи, как в провинции, что говорят крестьяне, рабочие...»³

Виделись они как раз в начале июля 1917 года. Совсем недавно, в мае, Петр Алексеевич Кропоткин вернулся в Россию... Возвратился после сорока с лишним лет жизни политического эмигранта, врага всех правительств мира, самого известного анархиста планеты Земля. Люди под черными флагами, вышедшие на улицы Петрограда, были его учениками, воспитанными на его книгах. «Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля», «Современная наука и анархия»... Но сейчас между ними пролегла глубокая пропасть. Ученики отреклись от своего учителя, испытав глубокое разочарование в нем. А он, в свою очередь, не поддерживал петроградских анархистов, полагая, что внутренняя рознь в стране чревата военным поражением России и ее союзников, грозящим превратить европейские страны — и в первую очередь любимую им колыбель революций, Францию — в германские колонии. Казалось, патриотизм и германофобия окончательно убили в нем революционера. Как будто подтверждая это, его последователи опубликовали

¹ Леонтьев Я. В., Ремез О. Ю. Воспоминания племянницы П. А. Кропоткина Е. Н. Половцовой о его приезде в Россию в 1917 году // <http://kropotkin.ru/воспоминания-племянницы-п-а-кропотки/> [дата обращения: 8.04.2018 г.].

² Брешко-Брешковская Е. К. Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель (Воспоминания) // Современные записки. 1921. № 4. С. 120, 121.

³ Там же. С. 121.

иронический некролог, посвященный смерти Кропоткина как анархиста. Как это нередко бывало и до, и после, революция была отложена им до победы в войне, и его анархизм хотя и не исчез, но на время как будто отошел на второй план. Теперь Кропоткин звал к примирению. «От всей его благодушной и благородной фигуры веяло барством и добродушием, совершенно не вязавшимися с представлением о фанатизме и крайностях анархического учения, и было впечатление, что говорит не в академии, а где-нибудь на дворянском съезде в губернском городе либеральный болтун старичок-помещик»¹, — вспоминал генерал Михаил Александрович Иностранцев, слушавший речь Петра Кропоткина перед офицерами Академии Генерального штаба. «Ведь у нас одна родина, и за нее мы должны стоять и лечь, если нужно, все мы, и правые и левые»², — скажет он вскоре на московском Государственном совещании, где ведущие политики, генералы, банкиры и промышленники, общественные деятели собрались для обсуждения политического будущего России.

Анархист, враг государства, отрицающий любую власть, выступает... на Государственном совещании. Все это вызывает недоумение его вчерашних учеников. Тех самых, которые выходят на улицы Петрограда и других городов. И ждут от него ответа на вечный и простой вопрос: «Что делать?» «Мы в душе осудили своего старика за его участие в этом совещании, думая, что он из бывшего учителя революционной анархии превращается в сентиментального старца»³, — напишет Нестор Иванович Махно, будущий лидер украинских крестьян-повстанцев, выступивших под анархистскими лозунгами, а пока пытающийся строить анархическое общество в одном отдельно взятом городке Гуляйполе. Другие, как Александр Моисеевич Атабекян, старый приятель Кропоткина, призывали с надеждой: «Только социальная революция, дав народу хлеб и вольную общину, вызовет в нем мощный дух самосохранения, самообороны от кровавого нашествия на родную землю чужеземных империалистов. <...> Мы должны внести в те смутные попытки общинного самоопределения, которые вспыхивают повсюду от Кронштадта до Ташкента, элемент конкретного организованного

¹ *Иностранцев М. А.* Конец империи, революция и начало большевизма. М., 2017. С. 440.

² Стенографический отчет Государственного совещания 1917 г. М., 1930. С. 232.

³ *Махно Н. И.* Азбука анархиста. М.: Вагриус, 2005. С. 68–69.

строительства общинной жизни на вольных социалистических началах. Кликните клич, разверните наше знамя, учитель!»¹

Тщетно! Старый учитель устал. Его хотят видеть все: матросы и министры, анархисты и кадеты... Его зывали на митинги... А он прятался от назойливых посетителей.

Во время Июльского восстания Кропоткин живет на двухэтажной деревянной даче с прекрасным садом, которую ему предоставил голландский посол Генрих Гильзе ван дер Пальс. И здесь не обошлось без иронии истории. «Очень охотно предложу я свою дачу П[етру] А[лексеевичу], которого глубоко уважаю. Лучше ему, чем бы случилось так, как с дачей Дурново и домом Кшесинской, которые были насильственно заняты анархистами»², — счел посланник Нидерландского королевства. Великий анархист вдруг стал ангелом-хранителем частной собственности голландского дипломата от посягательств своих учеников... И вот сюда, на Каменный остров, в один из дней после 7 июля, приехал неожиданный гость. Это был военный и морской министр Александр Федорович Керенский — бывший депутат Государственной думы, адвокат, самый популярный в те месяцы оратор в России. Именно ему вышедший в отставку Львов передал всю полноту власти и предложил сформировать новое правительство.

В 11 часов вечера великолепный автомобиль министра, взятый из гаража бывшего императора Николая II, затормозил около дома, у подъезда. Одетый в полувоенный френч, который он всегда теперь носил на публике, Керенский, стуча сапогами, быстрым шагом поднялся из вестибюля прямо на второй этаж, в кабинет к Кропоткину. Дверь плотно закрыли, и дальнейший разговор шел с глазу на глаз, без свидетелей. «О чем говорили они, запершись вдвоем, — никто не знал, но чувствовалось в доме какое-то тяжелое напряжение. Какая-то тягость...»³ — вспоминала Екатерина Половцова. Вскоре дверь кабинета распахнулась, и взбудораженный Керенский, ни проронив ни слова, покинул дом. А затем к своим домашним вышел и Петр Алексеевич. Он был взволнован... Его голос дрожал. «Я сказал ему,

¹ Махно Н. И. Азбука анархиста. М.: Вагриус, 2005. С. 18.

² Леонтьев Я. В., Ремез О. Ю. Воспоминания племянницы П. А. Кропоткина Е. Н. Половцовой о его приезде в Россию в 1917 году. // <http://kropotkin.ru/воспоминания-племянницы-п-а-кропотки/> [дата обращения: 8.04.2018 г.].

³ Там же.

чтобы он не забывал, что я — анархист. Не могу же я делить с ними и прикасаться к казенному пирогу»¹, — коротко пояснил Петр Алексеевич. «Оказалось, что Керенский, растревоженный всеми последними событиями, приезжал просить Кропоткина **составить новое правительство**. И уехал ни с чем»², — вспоминала Половцова. Как отметили в комментариях публикаторы воспоминаний Екатерины Половцовой, «выражение “составить правительство” означает, что Керенский просил Кропоткина ни больше ни меньше возглавить новый состав временного правительства и подобрать себе министров»³.

Предложения занять важные государственные посты поступали ему и раньше, сразу же после свержения монархии в России. Посол в Великобритании... Министр образования... Любой пост в правительстве, какой пожелаете... Искушения сыпались на него одно за другим. Власть, карьера, богатство, успех... Вряд ли хоть один из современных политиков или общественных деятелей России, Украины или любой другой страны на «постсоветском пространстве» устоял был. Слишком велик куш. Да и неужели он был недостоин? Каждый образованный россиянин знал, кто такой Кропоткин. Революционер, философ, талантливый писатель-мемуарист и журналист, географ, геолог, биолог-естествоиспытатель, экономист, этнограф, социолог, историк Великой Французской революции, исследователь истории русской литературы. Ученый-энциклопедист... Почти что русский Ломоносов XX века. Человек, который был моральным авторитетом не только для многих россиян, но и людей со всех континентов земного шара. Вряд ли большинство граждан любой страны мира возражало бы против такого президента или премьер-министра... Николай Иванович Кареев, известный историк, исследователь истории стран Западной Европы, слышал, как во время выступления Петра Кропоткина на Государственном совещании один из слушателей произнес: «Вот кого бы сделать президентом республики»⁴.

Но... Ответы Кропоткина всегда были лаконичны и просты. «Я анархист»... Да еще слова о том, что он считает «ремесло чистильщика сапог

¹ Леонтьев Я. В., Ремез О. Ю. Воспоминания племянницы П. А. Кропоткина Е. Н. Половцовой о его приезде в Россию в 1917 году.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 269.

более честным и полезным»¹. Это не было страхом перед властью или ответственностью, трусостью перед лицом истории. Петр Алексеевич просто и совершенно естественно для своей натуры следовал собственным убеждениям, и этому не мешали ни княжеский титул, ни аристократическое воспитание, ни блестящее образование, ни сделавшие его всемирно известными научные открытия, ни обширные связи среди политиков...

Искусство оставаться собой, жить по собственным убеждениям, жить полно и ярко. И если надо — плыть против течения. Таким было содержание его жизни. Этот человек родился и рос в аристократических особняках. В его жилах текла кровь смоленских князей из рода Рюрика и гетмана вольных запорожских казаков, казненного по приказу польского короля, подобно знаменитому Тарасу Бульбе из повести Николая Гоголя. Друзья шутили позднее, что у него больше прав на российский престол, чем у правившей династии Романовых. Свой первый отказ от неприемлемого для него мира князь Петр Алексеевич Кропоткин совершил в девятнадцать лет. Выпускник элитного Пажеского корпуса, камер-паж императора Александра II, может рассчитывать на престижную службу в гвардии, при дворе или, уж если он выдающийся интеллектуал, — в Генеральном штабе. Он хорошо знаком с братом императора, великим князем Николаем Николаевичем, который спустя несколько лет даже посетит его в тюрьме. Будущее способно заманить любого — генеральские погоны, посты губернатора, министра... Почему бы и нет? Но первое искушение будущий анархист отклоняет. Он выбирает службу в Амурском казачьем войске, в далекой Сибири. Блеску Санкт-Петербурга, перспективам придворной карьеры он предпочитает знакомство с настоящей Россией, которая далека от столицы и живет своей жизнью, такой не похожей на столичную. Именно здесь, считал молодой офицер, он сможет принести реальную пользу простому народу — далекому от коридоров петербургских дворцов. Его ждет знакомство с красотами Сибири, населяющими ее народами, с местными казаками, сектантами, каторжниками и, наконец, со ссыльными бунтарями: декабристами, социалистами и польскими повстанцами. Его жизнь проходила в путешествиях по горам и тайге, плаваниях по сибирским рекам. Он составляет про-

¹ Гольдман Э. П. А. Кропоткин // Былое. 1922. № 17. С. 102.

екты реформ, которые так и не проводятся в жизнь, осев в папках служебных архивов. Успеваает он побывать и разведчиком, не став при этом ни Штирлицем, ни Джеймсом Бондом. Летом 1864 года, тайно, под видом купца, с документами на чужое имя, он пересекает границу с Китаем и путешествует по Северной Маньчжурии, составляя описание пути на Амур через ее территорию. По итогам путешествий он пишет первые научные труды, которые издаются Академией наук в Петербурге.

Но чиновник особых поручений при Забайкальском губернаторе, подающий надежды администратор и военный уходит в отставку в 1866 году. Он не желает участвовать в расправе над ссыльными польскими повстанцами, попытавшимися бежать из Сибири в Китай. Восстание подавлено, а свободолюбивый офицер уезжает в Санкт-Петербург. Здесь Кропоткин решает уйти в научную деятельность. Географические исследования, экспедиция в Финляндию, первые монографии, разработка теории оледенения, открытие «на кончике пера» Земли Франца-Иосифа — все это увлекает целиком бывшего офицера. Его, секретаря Отделения физической географии Императорского Русского географического общества, прочат в секретари всего Общества. Но он и теперь не склонен был остановиться, выбрать карьеру, благополучие, стабильность. Наблюдения за жизнью крестьян, городских рабочих побуждают его к иному выбору. Он уезжает в Швейцарию, где сближается с анархистами и принимает их идеи. А затем была агитация среди петербургских рабочих вместе с другими революционерами и арест, тюрьма и получивший всемирную известность побег. Десятилетия жизни в эмиграции, где он тоже не знает покоя. Беженец из России, он становится одним из подлинных лидеров мирового анархизма и ведущим теоретиком анархистского коммунизма — доктрины о справедливом и гуманном общественном строе, при котором никогда больше один человек не будет обладать властью над другим, не будет господствовать над себе подобными. Теперь ему предстоит знакомство с тюрьмами демократической Европы, которые, как он обнаруживает на собственном опыте, ничуть не человечнее казематов царской России. За этим следуют десятилетия жизни на берегах Альбиона, в Британии, широкая просветительская, теоретическая, лекционная и научная работа. Оттуда, с острова за Ла-Маншем, Кропоткин продолжает помогать и делу российской революции...

Разносторонний ученый, он ставит перед собой поистине грандиозную задачу — создать основы нового научного мировоззрения, которое охватит не только человеческое общество, но и мир природы. Повсюду он ищет и находит элементы свободы, столь противоречащие господствовавшим представлениям о «железно необходимых» законах, которые, как предполагается, движут развитием всего сущего. Гениальные догадки Кропоткина о самоорганизации живого в природе и влиянии окружающей среды на много десятков лет предвосхищают современные теории биологии аутопоэзиса. Горячий приверженец теории эволюции, он не замедлил выступить с резкой критикой догматического дарвинизма, доказывая, что в основе развития видов лежит не внутривидовая борьба и не «вытеснение» слабых особей и видов сильными, а взаимная помощь. Это пробуждает в нем интерес к эволюционным теориям Ламарка, и Петр Алексеевич пытается совместить и синтезировать их с тезисами Дарвина, как это пытаются сделать и многие сегодняшние биологи...

Научные книги и статьи Кропоткина публикуются на множестве языков. Его работы выходят на страницах ведущих научных журналов мира. Экономические воззрения Петра Алексеевича, представления о новых путях технологического развития, о гуманизации производства, об универсальном образовании не только достигают самых отдаленных стран, где никогда не слышали ни слова об анархизме, но и обсуждаются в среде, далекой от любой революционности. Кропоткина можно по праву причислить к мыслителям, которых следует считать предтечами или даже основоположниками теории постиндустриального общества...

На протяжении всей жизни перед этим человеком открывалось великое множество путей для самой блестящей карьеры: военной, административной, научной, политической... Говоря словами украинского философа Григория Сковороды, мир ловил его — но не поймал. Кропоткин всегда оставался верен самому себе: этот долг, долг перед самим собой и своей совестью — вероятно, самый высший долг человека. Недаром всю жизнь Петр Алексеевич работал над грандиозным трудом об этике...

Вспоминал ли свои прежние искушения князь-анархист в тот июльский день 1917 года, когда отказался принять в свои руки власть над огромной страной? Он уже трижды отказался от карьеры ради сво-

боды, ради собственного понимания справедливости. Да, Кропоткин не боялся ответственности, ведь итогом его выбора стали опасности сибирских странствий, а затем — тюрьмы России и Франции. Власть, как кажется многим, дает возможность воплотить в жизнь свои замыслы. Но она была неприемлема для Кропоткина. Почему?

Чтобы понять это, стоит обратиться к его жизни.

При всей целостности его натуры в личности Кропоткина совмещалось, казалось, все самое несовместимое. Знатнейший аристократ самых что ни на есть «голубых кровей», он умел довольствоваться малым, жил скромно, любил физический труд, сам мастерил мебель и с увлечением ухаживал за садом и огородом. Утонченный интеллект, знавший почти что обо всем на свете, он держался с людьми без малейшего превосходства, снобизма или высокомерия. Все собеседники позднее отзывались о нем как о человеке чрезвычайно доброжелательном, теплом, радушном, внимательном и очень простым в общении. Годы борьбы, подполья и тюремного заключения, испытания жизни не ожесточили его. Но, несмотря на эту мягкость, Кропоткин был тверд и упорен в своих убеждениях и даже упрям в своих заблуждениях, пусть даже они вступали в противоречие с логикой его же собственных взглядов, как это произошло с его позицией в период Первой мировой войны. Когда он считал, что задеты вещи, принципиальные для него, Петр Алексеевич мог становиться резким и совершенно непримиримым. И однако же вряд ли кто-то смог бы назвать его догматиком. Противник официального брака и защитник анархистской идеи свободной любви, он всю жизнь прожил со своей женой, Софьей Григорьевной, вновь и вновь подтверждая гармоничный и свободно-договорный (как мы бы сказали сегодня, партнерский) характер их отношений...

Неудивительно, что такая многогранность натуры Кропоткина часто не понималась людьми. И современники, и исследователи нередко оценивали его совершенно по-разному, может даже создаться впечатление, что они говорят о совсем разных людях. Односторонний взгляд порождал и порождает до сих пор мифы о Кропоткине, и творцы этих мифов судят нашего героя со своих позиций.

Одни склонны видеть в Кропоткине прекрасногодушного пацифиста и едва ли не противника всякого насилия вообще. Человеком «с душой прекрасного белого Христа» называл его английский писатель Оскар

Уайльд¹. Датский литературовед Георг Брандес сравнивал его со Львом Толстым, замечая при этом, что оба они — «идеалисты и оба имеют темперамент реформаторов. Оба по натуре миролюбивые люди, и Кропоткин наиболее миролюбивый из двух, хотя Толстой проповедует постоянно мир и осуждает прибегающих к силе для защиты своих прав, тогда как Кропоткин оправдывает их и поддерживает дружеские отношения с террористами»². А китайский писатель Ба Цзинь, переведший труды Петра Алексеевича на китайский язык, писал знаменитому историку анархизма Максу Неттлау: «Кропоткин — это истинный пацифист. Я рискну сказать, что, даже когда он держал револьвер, его сердце было полно любви, потому что он никогда не выказывал чувства ненависти к кому-либо и никому не причинял зла»³.

Наивного идеалиста, по воспоминаниям одного из известных большевиков Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, видел в Петре Алексеевиче и основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин.

Традиция изображать Кропоткина как эдакого доброго дедушку оказалась устойчивой. На рисунке известного канадского писателя и политического карикатуриста Джефа Ольсона он представлен в виде седобородого старца, который мирно расположился в кресле со своей книгой «Взаимопомощь» в руках и, добродушно покуривая трубку, читает ее окружившим его зверям и птицам. Чем не Санта-Клаус, только без красного колпака? Памятник Кропоткину в подмосковном Дмитрове, где он умер, демонстрирует благообразного старика на лавочке. Поговаривали даже, что родственники удалили с этого монумента фигурку кота, расположившегося рядом с Петром Алексеевичем: уж слишком просто и мирно, почти по-деревенски выглядел князь Рюрикович... Между тем «котэ», один из самых популярных мемов сегодняшних соцсетей, в его жизни действительно был... И даже отсидел срок в тюрьме Клерво, в одной камере с Петром Алексеевичем. Дневник наблюдений Кропоткина за своим пушистым сокамерником хранится в одном из архивов.

И все это — о человеке, которого царское правительство считало одним из своих самых страшных врагов. «Кропоткину, в течение де-

¹ Wilde O. De Profundis. New York, 1911. P. 96.

² Брандес Г. Предисловие // Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1918. С. IX.

³ Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (далее по тексту — IISG), Amsterdam. Max Nettlau Papers. F. 759. Letter «Li Yao Tang» to Max Nettlau. 3.03.1928.

сятилетий возглавлявшему могучее течение революционной мысли, разумеется, не могли быть страшны ни кровь, ни творческое разрушение, которое должно было поколебать сверху донизу основания старого общества. Он сам учил во вдохновенных словах, что революция, плод долгих подготовительных восстаний, бунтов, жакерий, должна быть бурной», — свидетельствовал русский анархист Алексей Алексеевич Боровой¹.

¹ Боровой А.П. А. Кропоткин // Петр Кропоткин. Сборник статей, посвященный памяти П. А. Кропоткина. Пг; М., 1922. С. 153.

«Воспоминания о детстве, или Скрытая жизнь»

Если бродить по одному из центральных районов Москвы — Хамовникам, который сегодня относится к самым дорогостоящим в столице, то между двумя старинными улицами, Пречистенкой и Остоженкой, можно наткнуться на переулок, который когда-то назывался Штатным. Ветеранам и историкам оппозиционных движений в Советском Союзе он известен тем, что здесь располагается печально известный Институт судебной психиатрии имени В.П. Сербского. Через его палаты суждено было пройти немалому числу противников режима, чье инакомыслие было в годы застоя сочтено за проявление психического заболевания. Нередко здоровые и полные силы люди, пройдя «лечение» в этих серых стенах, выходили из них изможденными, больными и действительно сведенными с ума...

Но не это привлекло в переулок 1 мая 1990 года пеструю группку из примерно ста молодых московских анархистов. Они прошли к ограде, за которой в глубине двора стоит здание под № 26 — красивый, выстроенный в стиле классицизма деревянный особняк начала XIX столетия. Украшенный нарядным портиком с шестью белыми колоннами и покрытый окрашенной в желтый цвет штукатуркой, он двенадцатью большими окнами выходит в переулок. Встав перед металлической оградой, юноши и девушки скандировали: «Верните дом, верните дом!»

В здании с 1972 года размещается дипломатическая миссия, которая именовалась вначале представительством Организации освобождения

Палестины, а позднее — посольством Государства Палестина. Что же понадобилось московским анархистам от дипломатов провозглашенного, но так и не созданного пока государства? На каком основании они требовали вернуть им этот старый дом?

Секрет открывался просто: именно в этом доме 27 ноября 1842 года (по принятому до Великой Российской революции «старому стилю») появился на свет, вероятно, самый известный во всем мире анархист — Петр Алексеевич Кропоткин.

Род, к которому ему суждено было принадлежать, мог считать себя одним из самых знатных в России. Строго говоря, в этом отношении он опережал правящую династию империи. Кропоткины, или, как иногда говорили и писали, Крапоткины, являлись потомками полуполюгендарного варяжского вождя Рюрика, который, если верить древним летописям, в 862 году заложил основы Древнерусского государства. Рюриковичем был и последний великий князь Смоленский, Юрий Святославич, управлявший своими владениями до их аннексии Великим княжеством Литовским в 1404 году. Род Кропоткиных восходил к его племяннику — князю Дмитрию Васильевичу, получившему прозвище «Крапотка» («Кропотка»)¹. Позднее соратники-революционеры в шутку говорили Петру Алексеевичу, что, как последний прямой потомок Рюриковичей, он имеет больше прав на российский престол, чем правящая династия Романовых².

Отец Петра Кропоткина, князь Алексей Петрович (1805–1871), был состоятельным помещиком и имел чин генерал-майора. За участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов он был награжден орденом Св. Анны и золотой шпагой. Затем он участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 годов. Алексей Петрович владел имениями в трех губерниях Российской империи, где проживали тысяча двести душ крепостных мужиков с семьями. Мать Петра, Екатерина Николаевна, женщина удивительной красоты и грации, была дочерью генерала Николая Семеновича Сулимы, прославившегося в Отечественной войне 1812 года. Затем он занимал должности генерал-губернатора Восточной (1833–1834) и Западной Сибири (1834–1836). Именно Екатерине Николаевне и принадлежал дом на Штатном. Ее далекий предок, гетман Запо-

¹ Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 7; Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин. М., 2002. С. 10.

² Степняк-Кравчинский С. Грозовая туча России. М., 2001. С. 82.

рожского войска Иван Михайлович Сулима, был поистине легендарной личностью. Герой казачьих походов против Турции, во время которых казаки освободили многих соотечественников, плененных крымским ханом во время набегов и проданных в рабство, он сам пережил нелегкую судьбу раба. Попав в плен к туркам, долгие годы Иван Сулима провел, прикованный к веслу на галере. Во время одной из турецко-венцианских войн Сулима поднял восстание рабов. Они перебили своих поработителей, захватили корабль и причалили к итальянским берегам. За этот подвиг Иван получил награду от римского папы. В 1634 году, вернувшись из очередного похода на Крымское ханство, гетман Сулима поднял восстание против польской короны. Во главе отряда запорожских казаков он взял штурмом польскую крепость Кодак (Койдак), построенную с целью блокады Запорожской Сечи. Вскоре борца за вольности казачества вероломно схватили предатели из казачьей старшины и выдали королю. 12 декабря 1635 года он был казнен в Варшаве.

Русские князья... украинские казаки... Кто вы, Петр Алексеевич? Русский или украинец? «Я — скиф»... Так нередко он говорил о своем происхождении¹... Это подтверждает анархист Николай Константинович Лебедев, близкий знакомый Кропоткина и один из первых его биографов². Скифы — древний ираноязычный народ кочевников, в VIII веке до н. э. — IV веке н. э. населявший Северное Причерноморье и создавший Скифское царство в Крыму. Скифы были героями не только исследований историков, но также литературных и философских произведений русских писателей.

Скифом писатель и журналист Роман Борисович Гуль назовет другого великого анархиста — Михаила Александровича Бакунина. В годы Великой Российской революции возникло даже особое литературное течение — скифство. Его приверженцы выражали безграничный духовный максимализм и революционную непримиримость. Александр Александрович Блок, вдохновленный этими идеями, писал:

*Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!*

¹ Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia. New York, 1960. P. 478.

² Лебедев Н.К. Молодые годы П.А. Кропоткина // П. и А. Кропоткины. Переписка. Т. 1. М., 1932. С. 26.

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!*

Да, скиф! Пожалуй... Ведь такое определение, пусть даже и в шутку, свидетельствовало о настоящем интернационализме Кропоткина, о его нежелании замыкаться в узких рамках-границах всех существующих народов, наций и государств! Но пока ничего не предвещало, что из сливок высокомерной аристократии вырастет убежденный и страстный революционер, поборник человеческого равенства.

* * *

В здании в Штатном переулке (сегодня он носит имя Кропоткинского) мальчику было суждено прожить недолго. Когда Петру было три с половиной года, его мать умерла, и отец, борясь с печальными воспоминаниями, продал дом. Семья Кропоткиных переехала в новый особняк, в Денежном переулке, который вскоре был переименован в Малый Левшинский. Здесь Кропоткины прожили до середины 1850-х годов. В этом же доме проходит детство Пети Кропоткина. Теперь на этом месте стоит многоэтажный дом. Еще одну из зим семья прожила в одноэтажном доме с мезонином, расположенном в Гагаринском переулке. По иронии судьбы именно в этом здании прошло первое собрание московского кружка «чайковцев» — революционной организации, одним из лидеров которой станет и Петр Кропоткин². Так будущее оставило след в жизни маленького Петра... Метаистория, как сказал бы один наш друг... Совпадение, скажет скептик... И оба окажутся правы по-своему. Затем, в середине 1850-х годов, в пору юности Кропоткина, его семья поселилась в доме № 8 по Малому Власьевскому переулку³. К несчастью, до наших времен дом не уцелел. Зато в конце XIX столетия на его месте архитектор Фома Осипович Богданович-Дворжецкий отстроил собственный особняк.

Дом же в Штатном переулке еще несколько раз менял хозяев. Уже после смерти Петра Алексеевича в 1923 году в нем был открыт музей Кропоткина; средства на него собирали анархисты по всему миру. Во-

¹ Блок А. А. Стихотворения и поэмы. Новосибирск, 1978. С. 164.

² Муранов С. Г. Московский анархист П. А. Кропоткин // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 43.

³ Там же. С. 43–44.

круг музея группировались немногие анархисты, еще уцелевшие в ходе нараставших большевистских репрессий. В 1939 году музей был закрыт. Под занавес «перестройки» анархисты потребовали историческое здание обратно. В нем можно было возродить музей Кропоткина и создать культурно-агитационный центр возрождавшегося движения.

Как и следовало ожидать, дом не был передан анархистам. Позднее анархистских активистов даже приняли в здании посольства палестинские дипломаты. Те угощали визитеров крепким чаем из маленьких стаканчиков, как это принято на Ближнем Востоке, и убеждали пришедших в том, что они знают, кем был Петр Кропоткин, и уважают его. Так это или нет — в любом случае человеку, который вырос из мальчика, родившегося в особняке на Штатном, вряд ли понравилось бы, что его бывший дом сегодня принадлежит государству — пусть даже иностранному и не вполне существующему. Ведь он отдал борьбе с Государством, учреждением, которое философ Фридрих Ницше назвал когда-то «самым холодным из всех холодных чудовищ», всю свою сознательную жизнь.

Все люди, утверждал знаменитый психолог Зигмунд Фрейд, родом из детства. Отношения в семье, атмосфера родительского дома, первые контакты с окружающими взрослыми и другими детьми не определяют дальнейшей судьбы ребенка, но чаще всего накладывают неизгладимый отпечаток на его характер, склонности и интересы. Неудивительно, что смерть матери в апреле 1846 года от туберкулеза стала одним из первых воспоминаний, которые Петр Кропоткин сохранил на всю жизнь. В написанных через полвека мемуарах, «Записках революционера», — авторы еще неоднократно будут ссылаться на эту книгу, откуда можно почерпнуть уникальные сведения о детстве будущего анархиста, — можно почувствовать ту нежность, глубокую любовь и настоящее восхищение, которое испытывал Петр к матери. Он навсегда сохранил в памяти «ее бледное, исхудалое лицо. Ее большие темные глаза. Она смотрит на нас и ласково, любовно приглашает нас сесть, предлагает забраться на постель, затем вдруг заливается слезами и начинает кашлять... Нас уводят»¹. Впоследствии один из его друзей вспоминал, что, несмотря на все невзгоды, в эмиграции Петр сохранил портрет матери, который висел на стене его квартиры².

¹ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 43.

² *Грав Ж.* Из моих воспоминаний о Кропоткине // Петр Кропоткин. Сборник, посвященный памяти П. А. Кропоткина. Пг., 1922. С. 179.

Мать умерла слишком рано для того, чтобы оказать на Кропоткина какое-либо интеллектуальное влияние. К тому времени у нее было уже четверо детей: одиннадцатилетний Николай (1834 — после 1862), десятилетняя Елена (1835–1904), пятилетний Александр (1841–1886) и трехлетний Петр. Лишь много позже сын узнал, что она была человеком художественно одаренным, тонко чувствующим и не чуждым прогрессивным интересам, хранившим, к примеру, копии запрещенных сочинений Рылеева, Ламартина и Байрона¹. Кое-что из этого настроения ему самому предстояло унаследовать. Но все это будет потом. А пока мальчик ощущал одно: его умершую маму все любили за доброту и понимание. Те, кто работал в доме Кропоткиных, боготворили ее память и во многом ради нее привечали детей. Немка-гувернантка мадам Бурман, по словам Петра Алексеевича, заменила мать ему и его брату Александру и воспитала их. А крестьянки из поместий Кропоткиных не раз говорили сиротам-братьям: «Вырастете ли вы такими добрыми, какой была ваша мать? Она нас жалела, а вы будете жалеть?»² Конечно, вряд ли стоит объяснять то, что Петр выбрал стезю революционера только этим взаимным притяжением между ним, еще маленьким сыном знатного князя, и бесправными, забытыми и угнетенными людьми народа. Но какое-то первоначальное зерно, вероятно, уже тогда запало в его душу...

* * *

Когда читаешь комментарии российских интернет-активистов об американском движении Black lives matter, часто сталкиваешься с примитивным противопоставлением «белый — черный» как синонимом понятий «угнетенный — угнетатель». Невольно возникает впечатление полной амнезии исторической памяти. Разные они — что «белые», что «черные». Возможно, кому-то просто приятно осознавать себя «господином», пусть даже кающимся, чем угнетенным, которому каяться-то и не в чем... Ведь и в России было рабство, когда многонациональное крепостное крестьянство (русские, украинцы, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы, мордва, марийцы, чуваша, татары) таким же образом угнеталось столь же многонациональным слоем дворян-рабо-

¹ Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. С. 8–9.

² Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 49.

владельцев, среди которых были русские, поляки, украинцы, немцы, литовцы, грузины, армяне и даже афророссияне — предки уважаемого и любимого нами Александра Сергеевича Пушкина. Так что белый русский крестьянин — родной брат американского «дяди Тома», в отличие от афророссиян Ганнибалов, получивших дворянство и землю с рабами от Петра Первого.

Крепостное право... Рабство, веками отравлявшее жизнь десяткам миллионов наших предков. Вполне сравнимое по масштабам с рабством в Северо-Американских Соединенных Штатах и не так уж сильно отличавшееся от него... Перед отменой крепостного права в Российской империи насчитывалось двадцать три миллиона сто тысяч крепостных крестьян — 37% от всего населения империи. Они составляли от 50 до 70% населения в центральных губерниях России, в Белоруссии, Литве, Украине. В нечерноземных губерниях две трети населения были крепостными, в черноземной полосе — около половины всех крестьян, в Среднем Поволжье — треть. Их называли «крещеная собственность». Этим людей можно было не только передавать по наследству, но и продавать, дарить, закладывать, как имущество, в банке, подвергать любым наказаниям (правда, «без увечья»), лишать имущества по желанию помещика. Их проигрывали в карты. На ярмарках, аукционах, базарах распродавали за долги, как и все помещичье имущество. Так, одним из всероссийских центров торговли крепостными рабынями было село, ныне город, Иваново. Сюда их свозили со всей Российской империи, но наибольшим спросом на этой ярмарке пользовались украинки...

Стремясь «оптимизировать» свое хозяйство, помещик частенько по своему произволу подбирал невест для крестьянских парней. Мог перевести детей из одной семьи в другую, но мог и запретить замужество искусной ремесленнице, работавшей в его усадьбе. Объявления о продаже крепостных рабов печатали в газетах. Через запятую можно было увидеть рекламное описание рояля, собаки и рабыни-крестьянки с указанием ее возраста, а также всех прелестей и талантов. Правда, император Александр I запретил объявления о продаже людей. А еще раньше Екатерина II запретила использовать в официальных документах слово «раб». Слишком уж это портило имидж просвещенным реформаторам. Но запреты не страшны — слишком много было формулировок, позволяющих выразить то же самое другими словами...

Явления, которые сейчас называют словом «харассмент», процветали в имениях российских помещиков пышным цветом. Местные органы власти в губерниях неоднократно фиксировали многочисленные изнасилования крепостных девушек и крестьянских жен помещиками. Применялось «право первой ночи». Известны случаи создания дворянами целых гаремов из таких «любовниц поневоле»¹. В 1845–1857 годах широкую огласку получил судебный процесс помещика Страшинского, уличенного в педофилии. «Благородный дворянин» принуждал к половым отношениям девочек двенадцати — четырнадцати лет; две из них умерли. А некоторые помещики и даже помещицы пытались зарабатывать деньги, принуждая девушек отрабатывать оброк в публичных домах...²

В регионах с более плодородными землями, «черноземами», крестьяне большую часть недели должны были отрабатывать барщину, что означало работу в хозяйстве помещика. В наиболее «страдные», удобные для работы времена года барщина могла продолжаться до пяти-шести дней в неделю. Император Павел I попытался сократить число барщинных дней до трех в неделю, но его указ откровенно игнорировали, трактуя как «рекомендательный». В первой половине XIX века среди помещиков начинает распространяться практика перевода крестьян на «месячину». Иными словами, лишенные земли крепостные вынуждены были все рабочее время проводить на земле помещика, превращаясь в обычных плантационных рабов. За это им полагался паек продовольствием, одеждой, обувью и домашней утварью³.

В «нечерноземных» губерниях, где земли были менее плодородны, а крестьяне зарабатывали кустарно-ремесленным производством или уходили на заработки в город, помещик, подобно пушкинскому Евгению Онегину, заменял «ярем» «барщины старинной оброком легким». Как правило... Правда, если он владел заводом, то мог заставить работать на нем крестьян по правилам той же «месячины».

Ну, легким оброк, как правило, не был. А если крепостной крестьянин занимался коммерцией, то и платил он больше — ведь надо же

¹ Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии. Рязань, 1903. С. 114, 117–118; Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 215–217.

² Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. С. 213–214, 217.

³ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 10–11, 16–17; Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. С. 101.

было барину жить в роскоши, закатывать балы и пиры, швыряться направо и налево деньгами в Париже, дабы содержать любовниц-француженок. О степени же «эффективности» помещичьего хозяйства свидетельствует один только факт: к 1859 году 65% всех крепостных крестьян были заложены за долги помещиков в кредитных учреждениях.

Ну а если крестьянин, по мнению помещика, работал плохо, его могли сдать вне очереди в рекруты. А это означало двадцать пять лет военной службы и возвращение домой почти что стариком. Но и сама работа на барщине нередко сопровождалась применением пыток. Так, некоторые помещики, направляя крестьян на работу, надевали им на шею рогатки, чтобы они не могли прилечь для отдыха. Рогаткой тогда называли железный ошейник весом от двух до восьми килограммов с торчащими в стороны железными прутьями. Его запирали на замок. Уснуть с рогаткой было невозможно — прутья оставляли кровавые раны на шее и плечах. Бывали случаи, когда помещики, пытаясь принудить крестьян как можно быстрее закончить работу на господском поле, запрещали им пить воду, несмотря на жару. За малейший проступок крестьян подвергали беспощадной порке. Причем бить могли чем угодно: кнутом, плетью, розгами, арапником, палками, шпицрутенами¹.

Но были наказания еще более жуткие, чем порка. Так, Польские, помещики из Рязанской губернии, наказали одну из крепостных девушек, приковав ее цепью к деревянной колоде, весившей около четырнадцати килограммов. В таком положении она просидела четыре недели, вынужденная пряхь нити и питаться только хлебом и водой. Дворяне Рязанской губернии придумали и новое орудие пыток — деревянную «щекобитку». Херсонский помещик Карпов четыре года держал своих крестьян прикованными на цепи. Минская помещица Стоцкая использовала для пыток своих крепостных кипяток, раскаленное железо, кормление дохлыми пиявками. Она же надевала на лицо крепостным женщинам специальную узду под предлогом того, чтобы они не могли пить молоко во время доения коров².

Обычным явлением считалась пытка голодом. Так, рязанская помещица Скобелкина наказала свою дворовую девушку за внебрачную сек-

¹ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. С. 18.

² Там же. С. 25–26; Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. С. 103–104, 110.

суальную связь лишением еды на десять суток¹. Сюда же можно добавить и еще ряд особо «изысканных» методов пыток: подвешивание за ноги и руки на шесте, «уточка» (связывание рук и ног, а потом их продевание на шест), опаливание лучиной волос у женщин «около естества», «ставление на горячую сковороду», «набивание деревянных колодок на шею», сечение «солеными розгами» и «натираение солью» по сеченым местам...²

Убийство крепостных тоже было довольно распространенным явлением. Историк Повалишин, изучавший жизнь крепостных крестьян Рязанской губернии 1810–1850-х годов, приводит такие случаи. Помещик Хомуцкий избил до смерти одну из дворовых девушек. Другой местный дворянин, Суханов, тяжело избил прикладом ружья и ногами двенадцатилетнего дворового мальчика за то, что на охоте он не заметил зайца. Через два дня ребенок умер. В 1844 году помещик Одинцов жестоко избил за потерю цыпленка семилетнюю девочку. Через несколько дней она умерла³. Детей, беременных женщин, стариков калечили и забивали насмерть... И таких случаев Повалишин приводит довольно много. А что же помещики? Чаще всего наказанием для них было предание церковному покаянию. В лучшем случае имение могло быть забрано в опеку местного дворянства. Но обычно какое-либо наказание следовало в случае вмешательства высокопоставленных чиновников, а то и членов императорской семьи, порой приходивших в ужас от того, что помещики вытворяли с живыми людьми. Помещики, обладавшие деньгами и властью над своими крепостными, имели шансы подкупить чиновников, задобрить или запугать свидетелей из своих крепостных, а то и вовсе отправить их в тюрьму. Даже насильник-педофил Страшинский, несмотря на «подтверждение этих фактов его крепостными трех деревень различных уездов, соседними крестьянами, самими потерпевшими и медицинским освидетельствованием», отделался легким испугом. Сенат, высший судебный орган империи, оставил его дело только «в подозрении»...⁴

Одной из наиболее одиозных личностей, соединившей все негативные черты помещика того времени, был князь Гагарин, владевший

¹ Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. С. 103–104.

² Нефедов С. А. О рабовладельческой сущности русского крепостничества // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (93). С. 202–203.

³ Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. С. 119, 130.

⁴ Игнатович И. И. Помещицы крестьяне накануне освобождения. С. 214.

землям в Михайловском уезде Рязанской губернии. Занимая крестьян даже по праздникам работой на барском поле, он почти не оставлял им времени трудиться на своей земле. Частые избиения крестьян арапником, плетью, кнутом или палкой были для него обычным делом. Гагарин изнасиловал и принудил к роли своих гаремных наложниц семь крепостных девушек. Держал их взаперти и часто избивал из чувства ревности. В 1816 году ухаживавший за щенятами крепостной крестьянин Михаил Андреев, недоглядевший за щенком, был избит пьяным Гагариным, а затем в раздетом виде посажен на цепь на морозе. При этом конюхи по приказу князя все время избивали слугу арапниками. Затем Гагарин продолжил избиение, окончившееся убийством Андреева¹. А ведь Гагарины были родственниками Кропоткиных. Знал ли юный Петр эту историю?

Крестьяне фактически были лишены даже права жаловаться на своих помещиков. В 1767 году императрица Екатерина II ввела за любые подобные жалобы битье кнутом и отправку на каторжные работы². Согласно «Уложению о наказаниях» 1845 года (пункт 1909) за любую подачу жалобы на помещика полагалось пятьдесят ударов розгами³.

Очень красочное описание повседневности крепостного рабства оставили русские писатели XIX века. Они написали свою «Хижину дяди Тома» для русских Ивана и Марьи. Стоит только обратиться к таким произведениям, как «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева, «Дубровский» Александра Сергеевича Пушкина, «Пошехонская старина» Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева, «Сорока-воровка» и «Кто виноват?» Александра Ивановича Герцена, «Антон-Горемыка» Дмитрия Васильевича Григоровича, стихи и поэмы Николая Алексеевича Некрасова... Многие из этих книг прочитал и Кропоткин...

Да уж, перечитав эти книги и внимательно изучив факты, не устает удивляться, какими все-таки гуманными оказались русские крестьяне по отношению к своим бывшим хозяевам. Ведь не было в России массовой резни дворян бывшими крепостными и их потомками — ни в 1905-м, ни в 1917-м. Но волей-неволей начинаешь понимать причины

¹ Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. С. 122.

² Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 2. М.: Юрид. лит., 2001. С. 159–160.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 736.

массового погрома дворянских усадеб в годы русских революций начала XX века. Как только стало возможно, крестьяне безо всякого сожаления расстались с «Россией, которую мы потеряли». Той самой, где «вальсами Шуберта» и «хрустом французской булки» «упойтельными вечерами» наслаждались совсем другие люди, в том числе и те, кто калечил, убивал, насиловал крестьянских сестер и матерей. Поэтому пожары дворянских усадеб для крестьян были всего лишь... праздничной иллюминацией.

И факт этой иллюминации, со всеми историческими реалиями, очень точно отметил гениальный русский поэт Александр Блок, именно которого потомки крепостных крестьян тоже разнесли вдребезги: «Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господина показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью. Все — так. Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают. Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое — отвечаем мы? Мы — звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? — Если этого не чувствуют все, то эти должны чувствовать “лучшие”...»¹

Но эти «лучшие» тоже были. Благодаря им появились «кающиеся дворяне», желавшие вернуть долг своих предков крестьянам. Среди них будет и Петр Кропоткин...

* * *

На всю жизнь Петр Кропоткин запомнил сцену из детства: отец распорядился дать крепостному Макару, дворовому слуге и настройщику инструментов домашнего оркестра, сто розог, чтобы проучить «хамово отродье». Маленький Петя, увидев наказанного, расплакался. «После обеда я выбегаю, нагоняю Макара в темном коридоре и хочу поцеловать его руку; но он вырывает ее и говорит не то с упреком, не то вопросительно:

— Оставь меня; небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь?

— Нет, нет, никогда!»² — воскликнул мальчик.

¹ Блок А. А. Интеллигенция и революция // http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_1918_intelligenzia_i_revolutzia.shtml [дата обращения: 7.04.2020 г.].

² Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 82–83.

Вторым фактором, который, безусловно, оказал воздействие на формирование настроения и характера мальчика, были тяжелые отношения с отцом, «типичным николаевским офицером» и помещиком (хотя и не слишком жестоким с крестьянами), заядлым картежником, человеком авторитарным и консервативным. Настоящий барин, высокомерный со своими крепостными, он проявлял ревностную готовность услужить начальству. Так, в 1857 году разразился настоящий скандал. Стремясь угодить своему корпусному командиру, генералу от инфантерии Николаю Ивановичу Гартунгу, Алексей Петрович, выполняя его просьбу, перевел в разряд «неспособных» солдата, который служил у Гартунга управляющим. Отца Кропоткина обвинили в служебном злоупотреблении, ему удалось уладить дело лишь благодаря связям и хлопотам его второй жены. После этого он и сумел выйти в отставку в чине генерал-майора.

Первые годы отец мало занимался своими детьми, а когда те подросли и стали искать своих путей в жизни, столкновение характеров переросло в острейший конфликт. Судя по воспоминаниям, родитель воплощал в себе как раз то, чего повзрослевший Петр Алексеевич не переносил.

А вторая жена отца, Елизавета Марковна, дочь адмирала Черноморского флота Карандино, отнюдь не способствовала взаимопониманию между отцом и детьми от его предыдущего брака. Овдовевший сорокатрехлетний Алексей Петрович женился на ней, когда Петру было шесть лет. Мачеха удалила из нового дома все, что могло напоминать о ее предшественнице, и порвала связи с ее родней. Формально она проявляла к детям положенное отношение, но на самом деле их не любила и настраивала отца против них. Когда Александр и Петр подросли и учились в Петербурге, княгиня перехватывала у слуг и вскрывала их письма, жаловалась мужу на вольнодумство юношей, возмущалась их интересами и религиозными исканиями и настаивала на том, чтобы они избегали общения со старшей сестрой Еленой и ее мужем, чиновником Военного министерства, Николаем Павловичем Кравченко, так как в их доме «много говорят вольного»¹. Пасынки платили жене отца стойкой неприязнью: в переписке между собой они называли ее «не любезной, а проклятой мачехой», «подлой бабой», «дрянью» и «пу-

¹ Кропоткины П. и А. Переписка. Т. 1. 1857–1862. М.; Л., 1932. С. 41.

гачихой»¹. Ну а Елена в этой ситуации стала альтернативным образом идеальной женщины, противостоявшей мачехе. Петр боготворил Елену, как вспоминала позднее ее дочь, Екатерина Половцова, «считал ее совершеннейшей женщиной». Более того — идеалом женщины. Однажды он даже произнес: «Если бы ты не была моей сестрой, Леноч, то я был бы влюблен в тебя как в женщину»².

Чтение «подлой бабой» их писем — одна из наиболее частых тем в переписке между Александром и Петром Кропоткиными в то время, когда младший из них учился в Пажеском корпусе... Эта ситуация заставляет братьев хитрить, осторожнее выражать свои мысли, использовать для переписки адреса третьих лиц. Например, упомянутого Николая Кравченко. В общем, если революционером Петя Кропоткин еще не был, то навыки конспирации и подпольной борьбы он усвоил уже в пятнадцатилетнем возрасте. Так, братья использовали для переписки специальный трафарет. Прикладываешь его на текст — и сразу выделены нужные слова. Складываешь их во фразы, предложения и понимаешь, о чем хотели сказать. Этот способ переписки братья пытались использовать и в начале 1860-х годов, во время службы Петра в Сибири³, когда тот писал откровенно о начальстве.

Одно из своих литературных произведений, написанных в пятнадцатилетнем возрасте, Петр назовет «Воспоминания о детстве, или Скрытая жизнь»⁴! Случайно ли это? Вряд ли... Ощущение «скрытой жизни» прослеживается не только в переписке братьев, но и в отношениях с отцом. Петр в большей мере проявляет скрытность и неоднократно предлагает Александру осторожную и тонкую стратегию сопротивления родителям, не лишенную манипулятивных моментов. Покаяться, сделать шаги к примирению с отцом, быть вежливым и дипломатичным в общении с ним. Но при этом он советует брату сохранять чувство собственного достоинства, а при попытке отца распускать руки — давать сдачи. Главное — иметь деньги для учебы, окончить

¹ Кропоткины П. и А. Переписка. Т. 1. С. 40, 41, 66.

² Половцова Е. А. «Апостол правды и братства людей». Воспоминания о П. А. Кропоткине // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 64.

³ Кропоткины П. и А. Переписка. Т. 1. 1857–1862. С. 67–68; См. также примечание 4 А. В. Бирюкова к: Кропоткин П. А. Письмо к Кропоткину А. А. 25 августа 1862 г. // <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/ПАК-Letters86.htm#y1862> [дата обращения: 5.01.2020 г.].

⁴ Кропоткины П. и А. Переписка. Т. 1. С. 42.

корпус и получить офицерское звание. А дальше? А дальше — свободная жизнь взрослого человека, независимого от родителей...

В то же время на каникулах во время учебы в Пажеском корпусе Петя уже использует открытые формы борьбы. Он дискутирует с мачехой о целесообразности тех или иных правил поведения дома. Или же ведет с отцом вежливый спор о поведении брата Саши, пытаясь смягчить отцовскую ненависть. Это первые уроки политической гибкости в его жизни. Обо всех этих разговорах Петр тут же сообщает Александру Кропоткину. Петр Кропоткин даже планировал прочитать отцу и мачехе рецензию, которую Николай Алексеевич Добролюбов, литературный критик, пропагандист социалистических идей, друг Николая Гавриловича Чернышевского, написал на книгу Николая Ивановича Пирогова «Вопросы жизни»¹. Пирогов, всемирно известный хирург, впервые применивший наркоз при операциях в полевых условиях, отважно работавший в Севастополе, осажденном в 1854–1856 годах англичанами, французами и турками, в конце 1850-х годов решил откровенно высказаться о проблемах воспитания. Сама эпоха Великих реформ, ставшая и временем великих ожиданий, очень располагала к этому. Хирург протестовал против произвола родителей, безгранично распоряжающихся жизнью детей, ругал современную школу за отсутствие связи с запросами современного общества. А главное, призывал родителей и педагогов воспитывать детей высоконравственными личностями, готовыми посвятить жизнь служению общественному благу. Нетрудно представить, чем бы закончились «пироговские чтения» в семействе Кропоткиных. Но ни самой акции протеста, ни репрессий за нее не последовало. Политическая гибкость и конспиративность снова восторжествовали.

Итак, почти классическая семейная мизансцена: рано умершая обожаемая мать, холодный и суровый отец и нелюбящая мачеха. В такой атмосфере может вырасти испорченный и озлобленный человек с исковерканным характером. А может — бунтарь, которому тесно в давящих рамках семьи и который стремится в большой и широкий окружающий мир, не боясь конфликта со своим окружением и своей средой. Случилось второе.

Американский историк Мартин Миллер, который десятилетиями изучал жизнь и творчество Кропоткина, отмечал, что позднейший

¹ Кропоткины П. и А. Переписка. Т. 1. С. 99.